

Октябрь на Колыме — месяц не бархатный. Небольшие речушки, протоки, перекаты скованы льдом. Не дал им батюшка-мороз порезвиться, словно малых деток наказал за шалости, и они присмирели... до весеннего половодья.

В материковой части Колымы морозы уже доходят до тридцати. Очень скоро они уйдут за пятьдесят. Начнут разрываться стволы деревьев и автомобильные скаты. И будет казаться: распухшее солнце уползает за ошетилившиеся редколесьем сопки, чтобы согреться самому. Световой день крохотный, словно недоношенный. Зима на пороге. Она не гостья, она — хозяйка.

Главная артерия — великая Колымская трасса — пульсирует замедленно. Все вокруг стынет и цепенеет. И душа тоже...

Бухты через считанные дни окажутся в восьмибальном льду. Транспорт, идущие в порты, не обойдутся без ледакольной проводки.

Люди тундры делают все, что веками делали их предки. Стада перегоняют в примеченные летом места, где олень копытом сможет разбить снежный наст, чтобы достать ягель для своего выживания, а значит, и для выживания коренного населения.

Старательские артели прекратили работу. На приисках многоэтажные драги еще кое-как шевелятся. Выход золотого песка совсем мал, металлические ковши будто переливают воду со льдом из пустого в порожнее.

На побережье обрушиваются один за другим разрушительные снежные циклоны.

К пятнадцатому октября прекращают работу в море малые добывающие и вспомогательные суда. Остаются на промысле только траулеры СРТР, СРТМ, БМРТ, плавбазы и крупнотоннажный реффлот.

Каждое утро все палубные механизмы, корабельные снасти, желтые кухтыли под рубкой, зеленые сетематериалы, бочкотара, поручни, лейера, трапы, спасательные плиты, палуба, крышки трюмных люков, фонари и прожектора — все в ледовом панцире.

За бортом — черная вода. На борту — люди в оранжевых робах. Над ними иногда голубое небо, красное солнце и клубящиеся белым торжеством чайки.

Одинаково завораживающе действует на людей нечастое зрелище, когда солнце начинает погружаться в море и на его фоне появляется черный силуэт трудяги траулера с тонкой, как у муравья, талией по линии фальшборта.

Все, оторвавшись от работы, молча следят за развязкой, каждый пытается понять невыразимое состояние души. О чем они думают?

А черный траулер в сопровождении черных птиц с золотым оперением выходит из красного солнца и теряется за неровным горизонтом...

Звон рынды... Снова авральные работы по борьбе с обледенением.

Великий Север во все времена пугал, завораживал и затягивал людей, как топкое болото, но взамен одаривал, на всю жизнь формировал у них ощущение счастья прожитых там лет и понятие северного братства.

Юрий Васильевич Акимов почему-то думал именно об этом, хотя и настроение сегодня было не очень...

Оказывается, в этом месяце, в октябре, то есть днями, заканчиваются пятнадцать лет работы в Магаданской области. Это дает ему право на пенсию в пятьдесят пять лет, а жене — в пятьдесят.

«Так что будем завершать!.. Схожу еще пару рейсов в море — и баста! Пора подумать и о своем светлом будущем на материке».

Юрий Васильевич вдруг сообразил, что со своим другом — начальником рыбокомбинатовской радиостанции Семеном Александровичем Семеновым он об этом еще не говорил, хотя, конечно, как и все колымчане, они этой темы касались многократно... с нескрываемой надеждой на достойную старость, до которой пока далеко.

Утром озвученное им желание еще походить в море жена Евдокия Васильевна встретила в штыки. Дело дошло до слез. Поэтому Юрий Васильевич домой не торопился, и ноги как-то сами привели его в отдельно стоящий домик на территории Центрального рыбозавода, в лабораторию рыбокомбината.

Завлаб Лидия Тымчишак была одна, занималась писаниной.

— Лида, я к тебе, — сказал Акимов, сняв шапку.

— Всегда рада вам, Юрий Васильевич.

— Да неудобно как-то обращаться. Сухой закон пока... А надо.

Худенькая Лида в белом халате немного помолчала.

— Еще не списывала, смогу... только немножко...

— Сколько сможешь. Спасибо тебе, Лида. Налей в колбочку, потом верну.

— Только обязательно. У меня проблемы с химпосудой. В прошлый раз, Юрий Васильевич, вы вернули колбочку без резиновой пробки, — смущаясь, произнесла завлаб.

— Учту, Лида. Спасибо тебе за доброе дело...

— Вы же мой учитель. Я вам всегда благодарна.

— Только наставником не называй, — повеселел Акимов.

* * *

Вообще-то в этот четверг Акимов собирался в баню, а не к Семену на радиостанцию. Но утром поскандалил с Евдокией, потом был на заседании комитета партконтроля, а потом уже... колбочка.

Рабочий день закончился.

До радиостанции топать километр, может чуть больше. Акимов вошел в коридор. В это время Семен Александрович, стоя, отпихнул кресло ногой, потому что обе руки были заняты настройкой, а профессиональный слух улавливал шумовые изменения не только в эфире, но и в коридоре.

Еще не хватало, чтобы его, секретаря партийной организации флота, застукали за прослушиванием «насквозь лживых вражеских голосов».

— Ты бы хоть предупреждал, когда придешь, — не на шутку струхнув и рассердившись, поприветствовал он друга. — Аж руки затряслись, пока с частот слез. Нельзя же так. Понавешивают потом... не расхлебаеться.

— Я по делу, — сказал Юрий Васильевич, вытаскивая из сумки колбочку со спиртом. — Грамм триста будет...

Семен Александрович засуетился, содрал со стола кумачовую скатерть и встряхнул ее, подтверждая согласие.

Никогда не задумывались приятели о том, насколько были похожи: оба прошли войну, орденосцы, оба с ранениями, оба выше среднего роста, без признаков «возрастного брюшка», с еще приличными и не до конца седыми прическами. Курильщики, матерщинники, хулители и правдисты. Друг другу доверяли беспредельно.

А еще их жены: Евдокия Акимов и Ольга Семенова были родом из Полесья. Евдокия — из украинского, Ольга — из белорусского.

— Как сходил в партконтроль? — спросил Семен, когда Акимов поставил колбу на стол.

— Как северяне по нужде — с осложнениями. Оклад впаяли...

— Как? Тебе?

— А кому же? Я же тогда был главным технологом и инициатором этого эксперимента — затаривать сельдь в ящики с антиокислительным пергаментом... Дусе не проговорись.

— А то она не узнает...

— Скажу, конечно, но попозже. А то бухтеть начнет: «Если бы премию обмыли, это как-то понятно, но чтобы денежный начет обмывать?!» Не люблю пить неразбавленный. Налей в графин воду посвежее. Что у тебя нового?

Этот безобидный вопрос предполагал информацию из двух источников. Первый — «вражеские голоса», второй — внутривластическая и гражданская обстановка в центре от его жены Ольги.

Ольга, как старшая телефонистка районного узла связи, давала «подписку о неразглашении». Но все-таки мужу, у которого такая же подписка, можно. Иной раз не хочешь, да услышишь, переключая штекеры на коммутаторе, такое, что хочется с кем-то поделиться.

Ольга доверяла мужу. Семен не сомневался в Акимове. Юрий Васильевич делился с женой Евдокией.

Телефонисток, кроме Ольги, в узле связи было еще шесть. И не надо было далеко бегать за разгадками событий: все тайное на побережье быстро становилось явным...

— Да особо нового нет. Сегодня как-то поспокойнее, — ответил Семен, глубоко занюхивая хлебом. — Орут за бугром, бл...и, одно и то же.

— Что одно и то же? Ты говори конкретно.

— Я и говорю. Раскол в рабочих и коммунистических партиях соцлагеря. Уровень жизни в Европе значительно выше, чем у нас. Количество политзаключенных в СССР продолжает увеличиваться. И все такое...

— А раскол по какому поводу?

— Китай, Албания и вроде Румыния, из-за глушилок плохо слышно, потребовали от КПСС отмены хрущевских антисталинских решений. В общем, какая-то свара затевается в соцдружестве...

— С Китаем, конечно, свара не нужна, — заметил Акимов.

— Ну не свара, это я так выразился. Они сказали, что наметились серьезные разногласия в политике КПСС и КПК, а это стало ощутимо сказываться на экономике стран.

— Да мы Китаю уже восемьсот заводов построили... Мало, что ли? Хотят, наверное, чтобы по-ленински делились с ними всем: достижениями в космосе, гидроэнергетике, атомных разработках... И еще дальневосточными территориями... — Юрий Васильевич запихивал в мундштук половинку сигареты.

— Юра, нас собирали в райкоме на семинар секретарей первичных партийных организаций... Там говорили, что отставание Китая от СССР — не менее двадцати лет... — Семен прикосновение друга к колбе понял и разлил, придвинув графин с водой.

— А «по голосам» что? — спросил Акимов.

— Я тебе уже говорил: обс...рают Советский Союз как только могут...

— Да обосрать можно что угодно, кроме Великой Китайской стены. Но никуда не денешься: таких темпов развития, как сейчас в СССР, мир еще не знал.

— А кто спорит, Юра? Темпы темпами, а человек сыт не темпами. Мы действительно живем хуже Европы.

— У меня самого, Семен, от этих мыслей мозги набекрень. Мы ведь с тобой не от хорошей жизни на Колыме... Отрабатываем для пенсии свои пятнадцать лет. А что мы видели? Ну-ка, призадумайся. Войну? Достатка никогда не было. Когда обноски перестали носить? А на материке, куда стремимся и мечтаем уехать, что там? Бедность, как при царской России. У колхозников, прошедших войну, пенсий нет. Прикрыли голые жопы лозунгами и давай бороться за счастье всех людей на земле...

— Согласен, Юра. Слушаешь того же Хрущева или других деятелей, все вроде правильно, кроме, конечно, кукурузы и того, что не надо личных подсобных хозяйств, — государство, мол, накормит. А этих послушаешь, — Семен кивнул на радиостанцию, — Берлин, да и другие города Германии и Европы, которые разбомбили не меньше наших, отстроились будь здоров, живут гораздо лучше нас. В честь чего? Несправедливость какая-то. Кто Европу спас от фашизма и порабощения? Кто? И какой ценой...

— Смотри, что получается. Мы им лозунги: «Все для человека», «Все для народа», а они, оказывается, точь-в-точь по нашим лозунгам все и делают. А мы не можем для своих, потому что нам надо оказывать безвозмездную помощь коммунистическим и рабочим партиям в Африке и Латинской Америке, надо войска содержать в Европе и Азии.

Вот тебе и ответ на вопрос: почему мы живем хуже других. Европейцы и американцы грабили свои колонии сотни лет, в той же Африке, а мы из сострадания руку помощи тянем. Пусть Америка с Европой и вытягивают их из болота колониализма.

Содержимое колбочки действовало раззадоривающе.

— Это точно. Вот если бы мы жили хорошо — не нужно никакой пропаганды социалистического строя, — сказал Семен.

— Ты понимаешь, есть тут какая-то закавыка. Идеям социализма тысячи лет. Их боятся и хваленый Запад, и Европа.

В конце концов, это дело самой страны — какой выбирать путь развития. Но не тут-то было... Всем сердечным: и америкосам, и европейцам сразу после Октябрьской революции плохо стало: а вдруг коммунизм, как сифилис, начнет гулять по континентам. Глядишь, и у американской статуи Свободы нос провалится... Премудрой Европе, которую мы освободили, знаешь, нужны ведь были коммунисты...

— Когда это вдруг?

— А я тебе скажу точно. Когда на всех фронтах слышали голос политрука: «Коммунисты, вперед! За Родину! За Сталина!» Я сам так кричал.

А теперь эти европейские умники и недобитые бундесверовские генералы голоса поднимают, пока полупшепотом: не будь, мол, коммунистов, и фашизма бы не было. Ты можешь себе это вообразить? Это сейчас, через пятнадцать лет после войны, а что будет потом? Если современные американские школьники считают, что Вторую мировую войну выиграли их папы, а русских там вообще не стояло... Легли в землю потому что... А-а? И ты думаешь, Европа будет нам благодарна? Ни-ког-да! Помяни мое слово. Первое, что они сделают — снесут памятники советским воинам-освободителям.

Россия была и будет костью в горле просвещенной Европы и той Америки, независимо ни от каких преобразований в России.

— Не горячись. Мы уклонились не только от темы, но и от выпивки.

— А с чего мы начали?

— С того, что китайцы и еще кто-то требуют, чтобы КПСС отказалась от антисталинских решений двадцатого съезда.

— Не-е, Семен, давай эту тему закончим, коль затронули...

— Тебе хорошо — ты умный, книжки читаешь, — съязвил Семен.

— Не вайлай дурака. Кстати, о книжках... Я тебе как-то показывал, купил в книжном магазине, когда был на курсах в Хабаровске, двухтомник переписки председателя

Совета министров СССР Сталина с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Выпущена пяти-соттысячным тиражом в 1947 году в Москве издательством «Политическая литература».

— Долго выговариваешь...

— Я этот двухтомник проштудировал основательно. И у меня возник вопрос: кто ответит за то, что открытие Второго фронта всячески затягивалось союзниками? И Второй фронт был открыт не в 1942 году, как договаривались руководители держав, а только в 1944-м в июне?

Какой суд? Нюрнбергский или другой определит: кто виновен в гибели многих миллионов за этот период? В основном гибли славяне России, Украины и Белоруссии. Другие национальности СССР также не умаляю. Я сказал, в основном. Так оно и есть. Где были тогда Европа и Америка? Выжидали: чья возьмет, рассчитывали, обсчитывали. А может, Гитлер перебьет этих русских... Открыли тогда, когда испугались, что дележка победного пирога могла произойти без них. А зачем, скажи, англо-американская авиация разбомбила в сорок пятом дотла немецкий Дрезден? В этом ведь не было стратегической необходимости, в Дрездене не было военных объектов. Для чего они это сделали? Месть за бомбардировки Лондона в начале войны? Да нет!.. Хотели быстро примазаться к Победе и показать, кто будет править миром.

— Да, сейчас, в тысяча девятьсот шестидесятом, ответ напрашивается именно такой, — согласился Семен Александрович. — И я продолжаю твою мысль. А атомная бомбардировка американцами Хиросимы и Нагасаки шестого и девятого августа 1945 года? Это что? Япония уже была поверженной... Зачем Америка это сделала? Отомстили японцам за уничтоженный ими американский флот в Пёрл-Харборе седьмого декабря 1941 года? И, похоже, ответ тот же, и цель та же: заявить о мировом лидерстве. И эта хваленая американская демократия, я с тобой согласен, проявится еще не раз в страданиях других народов...

— Ладно, Семен, у нас остается совсем мало... Давай возвращаться к нашим баранам. О чем мы вели речь?

— О том, что доклад Хрущева на XX съезде был правильным и нужным.

— Ты открой любую газету и посчитай, сколько раз на листе будет пропечатана фамилия Хрущева. Вот тебе и срубили культ личности под корень, — съехидничал Акимов.

Когда выпили по последней, Акимов потряс пустой колбочкой и спросил:

— Пробка на месте, Сеня? А то уже неудобно перед Лидой. Кстати, Семен, а почему у тебя имя не русское, а еврейское?

— Вот она, заткни. А у тебя? Ты что, думаешь, Юрий — это русское имя? Не было у меня в роду никого, кроме русских.

— Этого никто из нас знать не может, Сеня. Может, твою или мою прапрабабку какой-нибудь наполеоновский кирасир или польский поручик охмурил вовсю и с чувством. А татары вообще утверждают: разрежь, мол, любого русского, внутри обязательно окажется маленький татарин. Никто не знает наших национальных переплетений...

— Партия этого не исключает, — смешливо сказал Семен.

— Ладно, Сеня, скажи, как дети?

— Ну как? Последний класс десятилетки. Отпуск придется брать, ехать с ними к Ольгиным родителям в Гомель. Там институтов много... Был бы кто из знакомых в торговле, а так помочь с поступлением некому.

— Не переживай, они у тебя отличники, выдержат. А мы с Евдокией решили заканчивать нашу северную эпопею в этом году, — наконец-то сказал Акимов. — Схожу пару рейсов в море, и — баста.

— Зачем тебе такой риск, Юра?

— Душа требует, Семен.

— У меня тоже душа требует, но мы все выпили...

В райкомовских кабинетах Юрий Васильевич Акимов числился как орденосный фронтовик, опытный наставник молодежи, возглавивший комсомольско-молодежный экипаж лихтера № 5. Районная пресса не скупилась на отображение подобных фактов, и в этом было пропагандистское лукавство.

В судовой роли самоходного тысячетонного лихтера значилось всего четыре должности: шкипер, моторист-электрик и два матроса. Комсомольцев было двое — матросы Вадим и Виктор — парни работающие, но абсолютно равнодушные к комсомольским поручениям и, как показалось сорокалетнему шкиперу Володе Пытелю, очень неохотно приделавшие на рубку судна большой комсомольский значок из фанеры с надписью под ним — «Комсомольско-молодежный экипаж».

Шкиперу такое украшение нравилось. При швартовках в море он напяливал фуражку с крабом на тулье и шепеляво объяснял, показывая на рубку:

— А чем я не комсомолец? У меня всего одна судимость...

— Не каркай, — советовали ему бывалые люди.

На каждый рейс Центральный рыбозавод направлял на судно дополнительно людей для работ по приему сельди.

Таким образом, с Юрием Васильевичем на лихтере находилось семь человек. Шкипер, как и положено, руководил всеми судовыми и штурманскими делами. А Юрий Васильевич — всем, связанным с соблюдением технологических инструкций при приеме рыбы на борт, ее посолом, транспортировкой и выгрузкой на берегу.

Вопрос о том, к какому из добывающих судов подходить или не подходить в районе лова, вместе с Пытелем решал Акимов. Но приемные квитанции на рыбу выписывал единолично шкипер, как материально ответственное лицо. А сортность принятой в обработку рыбы обязательно подтверждалась экспедиционным специалистом-технологом, каким и являлся Юрий Васильевич, добровольно покинувший пост главного технолога рыбокомбината два года назад.

— Была бы наша посудина самоходной — королями ходили б в море. К кому хочу, к тому и швартуюсь. А нас таскают на веревке, как козу по деревне, не знают, к какому забору привязать... — сокрушался шкипер Пытель.

К вечеру шепелявость его речи становилась более заметной.

Однако команде было невдомек, что не образность речи демонстрировал Пытель, а сокрушался совсем по другой причине. Капитан морского буксира, который тягает лихтер по морю, мог сам принять решение, к какому добывающему судну подходить в зависимости от обстановки. Мог подойти, к примеру, к тому, где капитаном — однокашник по мореходке. В таких случаях личный интерес вечно ухмыляющегося Пытеля, ясное дело, почти не учитывался, не то что при работе «на доверии» с промысловиками без всяких однокашников.

Теперь же с «наставником молодежи» Акимовым шкиперу Пытелю надо было считаться.

Поначалу Пытель сопротивлялся, когда Юрий Васильевич (как читатель уже знает — и сам не промах) настоял на том, чтобы в районе лова пьянки на лихтере не было. Наставник — есть наставник! И пришлось «бедному поляку», как называл себя при необходимости Пытель, корректировать свой запойный график. А то какой же это комсомольско-молодежный экипаж?!

* * *

Специфика работы в море подсказывала Юрию Васильевичу наиболее рациональное местонахождение.

В район лова он выходил на морском буксире «Онекотан», откуда велись все переговоры с судами, а возвращался на лихтере, отяжелевшем от тысячи тонн принятой рыбы.

На лихтере ему нравилось больше, чем на буксире. В двух кубриках с большими иллюминаторами просторно, тепло и светло. И коек хватает, и всякой судовой утвари, книг и журналов... И камбуз хороший. И покурить можно спокойно, и по палубе пройтись, не то что на буксире...

К тому же на буксире он — пассажир и не член экипажа. Буксир «Онекотан» — магаданский, а лихтер — свой, рыбокомбинатовский. Разница очень большая. Свое есть свое!

У Юрия Васильевича на лихтере № 5 была своя койка, которую никто не занимал, свой рундук, спецодежда, тапочки, книги и журналы, которые создавали ему хорошее настроение.

В этот рейс в район лова многосильный морской буксир «Онекотан» — красавец немецкой постройки — уходил с другим капитаном.

Команда нового капитана невзлюбила сразу же, как только он ступил на борт и заявил: «Порядка на судне нет, у меня будет по-другому». Как «по-другому» — вскоре убедились, уловив от капитана запах спиртного. К тому же он двусмысленно отзывался о судоводителях, которых на флоте уважали. «Вот это закидоны», — сделал заключение боцман.

С прежним капитаном «Онекотана» Ананьевым у Акимова были давние и хорошие отношения. С экипажем — тоже.

— Ну что, Юрий Васильевич, последний рейс вместе, — сказал в радиорубке начальник судовой радиостанции розовощекий Володя Волков. — Рад вас видеть на нашем судне.

— Здорово, Володя. Почему это последний?

— Дешпух получили. Сходим с лихтером № 5 в район лова и оставляем вас.

— А сами?

— Сами, как и положено в конце навигации, занимаем табельное место спасателя в экспедиции.

— Ясно, Володя. Какой прогноз дают?

— Совсем неутешительный. Но на сегодня-завтра — рабочий. В сентябре штормовых дней было на два больше, чем в прошлом. Аварийность на флоте возросла.

— Володя, старпом определил меня в твою каюту, не возражаешь?

— Нет, конечно, Юрий Васильевич.

— Ты уж, сынок, извини. Понимаю, что стесняю, еще и похрапываю, но...

— Все нормально. Мы же в этот рейс вышли с другим капитаном.

— Пока перелазил на «Онекотан», матросы просветили.

— Тогда пошли, представлю капитану.

Капитан Логинов, оказывается, сам поинтересовался у старпома о незнакомце.

— А кто это через наш борт перебирается с ридикюлем? — спросил он.

— Это комбинатовский технолог, назад будет уходить на лихтере № 5, — пояснил Глушук.

— Терпеть не могу пассажиров на судне. Одна морока с ними...

— Этот не пассажир... Как флагманский технолог для своего приемного флота, — уточнил старпом.

— И что? Его на довольствие ставить надо?

— На несколько дней. Мы же в аренде у рыбокомбината.

— Куда поселить?

— Будет с марконей в каюте. А второй штурман Михайлов перебрался ко мне. Я могу идти?

— Идите...

Аудиенция в штурманской рубке была короткой. Пожали друг другу руки.

— Мне уже объяснили, вы вроде как флагманский технолог, — сказал капитан Логинов. — С марконей, я смотрю, вы спелись... так что располагайтесь у него.

— Разрешите присутствовать на объединенных капитанских часах экспедиции, — попросил Акимов.

Капитан оценивающе оглядел потертые наградные колодки на пиджаке Акимова, сказал: «Разрешаю» и, толкнув дверь на ходовой мостик, заорал боцману:

— Почему не докладываешь? Лихтер взяли на буксир или все еще мудохаетесь?

Боцман Петро Хмыз, татуированный здоровяк из Донецка, соображал, как ответить.

На буксире он уже пятую навигацию, а до этого, как сам выражался, «десять лет отпахал под землей». На берегу, в нечастых увольнениях был неизменным заводилой. Когда по кругу «гулял» всего лишь один стакан, торопил выпивающего: «Давай, не тяни! Донбассу нужен порожняк».

— Докладываю: мудохаться закончили! — прокричал Петро Хмыз.

— Поговори мне, — сказал капитан, ткнув ручку телеграфа на «самый малый вперед».

* * *

— Юрий Васильевич, устраивайтесь, отдохните. А на объединенный капчас я вас позову, — уважительно сказал Володя Волков. — А если хотите, можем спуститься в каюткомпанию, чайку попить. Хлеб и сахар со стола не убираются. Или потерпите до ужина?

— Хорошо, Володя, я покурю, и — в каюту. Чай потом.

Володя пришел за Акимовым часа через полтора.

4

Объединенный капитанский час с плавбазы «Пищевая Индустрия» (детище первой пятилетки), где находился штаб экспедиции и все флагманские специалисты, обычно вел начальник Охотоморской экспедиции многоопытный Перельман.

По установленному порядку «во вступительном слове» он сообщил, что в районе лова работают четыреста восемьдесят «вымпелов», не считая отстающих китайцев и корейцев; охарактеризовал состояние дел с выполнением плана добычи рыбы в разрезе краевых и областных флотских организаций; сказал, что работа экспедиции вступила в завершающую фазу; отметил наиболее отличившиеся добывающие суда, прояснил обстановку с отгрузкой готовой продукции на рефрижераторный и транспортный флот, с обеспечением судов топливом и продовольствием; подчеркнул необходимость беспростойной обработки добывающих судов при сдаче рыбы береговым предприятиям Магаданского и Охотского рыбопромышленных трестов и в жесткой форме обязал руководителей флотов принять все меры по безопасности мореплавания и обеспечению живучести судозкипажей в осложненный период навигации.

«Два затонувших сейнера — это уже слишком», — слышался в эфире его голос.

— Ладно, я к себе. Приду еще. В случае чего — позовешь, — произнес капитан Логинов.

— Хорошо, — ответил Володя и, когда капитан вышел, предположил: — Добавить, наверное, пошел... Все знают, у него рундук забит бутылками.

— Капитан все-таки, — без интонации сказал Юрий Васильевич. — Бывает...

— Бывает, конечно, но... — Володя подыскивал довод. — Капитан Ананьев держал себя и команду в строгости. В каюте у капитана кого только не было: пограничники, военные, инспекции и такие же, как он, капитаны. Обычное дело. Но все пристойно, все аккуратно. А чтобы находиться в рубке или на мостике поддатым и с перегаром — никогда, или в микрофон давать указания пьяным голосом... Это всем не нравится. Даже тем, кто сам любит поддать...

В радиорубку вошел повеселевший капитан Логинов и вальяжно расположился в кресле.

Руководители флотов по установленной очередности: камчатский, приморский, сахалинский, хабаровский, охотский и магаданский закончили свои доклады с постановочными вопросами. Все как обычно.

— Прослушайте метеопрогноз Магадан-радио на ближайшие дни.

В эфире сразу стало тихо.

— К вечеру десятого октября ожидаем усиление норд-вестового ветра до двадцати метров в секунду. Волнение в море полтора-два метра с последующим усилением и увеличением волны. Температура ночью минус пять-семь, днем около нуля. Мокрый снег. Примите штормовое предупреждение за номером... на одиннадцатое октября.

— Да-а, — протянул Володя, — лучшей погоды ждать нечего.

— Надо успеть принять рыбу на лихтер до шторма, — сказал капитан. — Так что не спите в шапку, а ищите компаньонов. Чтобы к полуночи пеленг был.

Последние слова, естественно, относились и к Акимову, и к радисту Володе. Капитан вышел из рубки.

— Вопросы к базе, — наконец-то сказал долгожданную фразу в эфире замначальника экспедиции. — Пожалуйста, не повторяйтесь.

Схема и зашифрованные трафареты докладов, по которым проводились объединенные капитанские часы, делали их скучными и однообразными. Суда работают в координатах таких-то, первое — столько-то, второе — столько-то, третье — столько-то, горючего — столько-то... Оживление у участников и слушателей вызывали только некоторые выступления и вопросы к базе. Многие замысловатые фразы, диалоги, ответы становились крылатыми, их цитировали потом на палубах, в каютах, кубриках и рубках многочисленных судов экспедиции.

Словно в подтверждение, в эфире зазвучали объявления:

— В связи с открытием в этом, 1960 году, в Сибири крупнейшего в мире месторождения газа я должен предупредить и сориентировать увлекающихся товарищей-рыбаков: меньше газа — больше рыбы. Мы будем строго спрашивать с тех, кто окажется в море «под газом»...

— На плавбазу «Сухона» с агитбригадой прибывает известная певица Валентина Дворянинова. Она исполнит песню: «Долго будет Карелия снится...». Во время ее исполнения швартовка судов к плавбазе осуществляться не будет.

— Товарищи промысловики! Совершенно непонятно, почему суда, работающие с глубинными тралями, не воспользовались рекомендованными промразведкой районами? По информации промразведки, вчера в тех координатах был хороший клев...

На «хороший клев» в эфире отреагировали сразу:

— Их рекомендации ведут к неоправданным переходам из квадрата в квадрат, — сказал один промысловик.

— В то время, когда дорог каждый промысловый час, мы бегаем по морю, как ошалелые, — поддержал второй. — По их рекомендациям.

— Товарищи промысловики, рекомендации рекомендациями, но без дела по морю не шляться. Это вам не на бульваре и не в подворотне, — последовал нравоучительный совет базы. — И не превращайте капитанский час в концерт. Всем понятно? Задавайте вопросы базе по существу... Очередность обычная. Еще раз прошу не повторяться и не задавать ненужных вопросов. Для сведения сообщаю, что на капитанский час, уже по традиции, прибыл зам заведующего промышленным отделом Приморского крайкома КПСС. Он внимательно слушает вас.

Это сообщение, видимо, подогрело вопрошающих, в течение пятнадцати минут база получила множество вопросов, в основном в язвительном тоне:

— Весь малый флот давно должен быть на берегу. Однако сделать этого мы не можем на всем северном побережье Камчатки, так как последний транспорт с продовольствием, который надо обрабатывать катерами, еще не выходил из Владивостока. Просим вашего вмешательства...

— В экспедицию подошли два танкера... С летней соляркой! Как это могло случиться? Ее уже сейчас можно резать ножом. Прошу принять решение...

— База, мы уже дважды работали на «пятый трюм», — нашелся в эфире еще один сотоварищ.

Упоминание о «пятом трюме» ничего хорошего не сулило. У промысловиков «пятый трюм» — это вываливание рыбы за борт по разным причинам: хватанули больше, чем смогли принять в обработку; рыба «залегла» и слезалась в орудиях лова из-за нарушений правил ведения промысла и технологии обработки, да и просто варварского отношения к рыбным запасам с расхожим лозунгом: «Рыбы в Охотском море на всех хватит».

— Товарищи промысловики! Говорит «Пищевая индустрия». Надо внимательнее слушать базу... В своем вступительном слове база ответила на многие вопросы, которые только что задавались. Все другие — приняли к сведению, будем искать пути решения. Если вопросов больше нет, передаю микрофон представителю Приморского крайкома партии.

— Товарищи! Мы живем в удивительное время — время гигантских задач и их исполнения. Охотоморская экспедиция — самая крупная в истории мировой рыбной промышленности. Ее финансирование проходит одной строкой в союзном финплане. И это понятно... В только что опубликованных призывах ЦК КПСС к сорок третьей годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции под номером «48» говорится: «Товарищи города и деревни! В кратчайший исторический срок добьемся победы в мирном соревновании с капитализмом! Догоним и превзойдем США по производству продукции на душу населения!» И вы, труженики Охотоморской экспедиции, на переднем крае этой борьбы. И надо, товарищи, добиться того, чтобы каждый ощущал свою причастность к нашему общему великому рыбацкому делу и, в частности, — к строительству коммунизма!

Неожиданно возникшая веселая осечка в последней фразе представителя крайкома партии была уловлена, и в эфире с хорошей слышимостью раздалось:

— База, позовите «Озабоченного».

— «Озабоченный», не мешайте базе.

— База, я «Озабоченный».

— «Озабоченный», база на связи. Объявляю вам замечание. Время для вопросов истекло. Слушаю вас.

— База, почему на промысле нет бардака?

— То есть, как это нет? А кто говорит?

— «Озабоченный» на связи.

— «Озабоченный», что вы имеете в виду?

— База, я имел в виду бардак плавучий.

— «Озабоченный», а у нас какой, по-вашему?

— База, судна с названием «Озабоченный» в экспедиции нет, — вмешался еще один голос.

— А вы кто?

— База, я БМРТ «Сковородино».

— «Сковородино» — базе. А почему вы за него отвечаете?

— База, за кого?

— «Сковородино» — базе. За этого «Озабоченного».

— База, потому что мы все озабоченные.

— Так, все! Такие неуместные игрушки заканчиваем. Радиоинспекции привлечь БМРТ «Сковородино» к ответственности. Разыскать озабоченного. На ближайшем капчase доложить... База уходит со связи. Всем погоды, успехов, семи футов под килем.

* * *

— Как вам сегодня капитанский час? — смеясь, спросил Володя.

— Содержательный, — улыбнулся Юрий Васильевич.

— Поверьте мне, завтра в эфире пойдут разговоры про озабоченного. И всякие хохмы сочинять начнут.

— Виновника — озабоченного — найдут? Как ты думаешь?

— Может, и нет. Особой крамолы ведь не было и мата тоже.

— Владимир Батькович, крамолу найдут всегда. Ты еще молод.

— Не буду спорить, Юрий Васильевич. У меня осталось два сеанса связи: с вашим рыбокомбинатом и моим рыбным портом. Потом сходим на ужин вместе и займемся поисками судов на сдачу рыбы лихтеру № 5. Идет?

— Будешь говорить с комбинатом, Семену Александровичу привет обязательно передай. Скажи, все, мол, у меня в порядке. Завтра будем принимать рыбу, — сказал Юрий Васильевич.

5

К району лова подходили утром.

На новом месте, вернее, на койке штурмана Михайлова, Юрий Васильевич спал плохо, но под утро, как ему показалось, проснулся от собственного храпа.

Не желая будить Володю, тихо собрался и вышел из каюты покурить на палубе. Но не тут-то было. Спрятал, как школьник, сигарету в кулак, раза два-три затянулся, затушил окурочок о покрытую ледком балясину трапа и выбросил за борт.

С надеждой посмотрел на небо. Пока оно было темно-серым, а очень нужно, чтобы было ясным и чтобы сегодня работал самолет-наводчик. Юрий Васильевич огляделся, пожевываясь. Вышел налегке, надо возвращаться в тепло.

Пенный след, оставляемый буксиром, выделялся, как свежая борозда в поле. Кругом темная вода, а след чуть-чуть зеленеет в белых кружевах под светом прожекторов. «Вот откуда газетные слова про пахарей моря...» — подумал он.

Не сразу заметил, что с лихтера ему машет шкипер Пытель. Тот что-то кричал. Слышно его, конечно, не было. Потом он прикрыл одной ладонью ухо, а другой будто покрутил ручку коммутатора: пора, мол, связываться по рации с судами. Акимов понял и согласно закивал.

Володя Волков уже встал и заканчивал утренние процедуры.

Вместе спустились в кают-компанию на завтрак.

Чинно поздоровались.

Капитанское место пустовало...

* * *

Самолет Ил-14 сахалинского авиаотряда сделал почетный круг над группой судов, белые номера которых на ходовых рубках были прекрасно видны сверху.

— Доброе утро всем! Я — Ил-четырнадцатый, Герман Панкратов, — с королевской интонацией сообщил командир. — Начинаю работу с судами.

Герман Панкратов очень скоро стал в Охотоморской экспедиции легендарной личностью. Еще бы! Впервые в истории рыбного промысла им была осуществлена навodka судов на косяки.

Из кабины самолета они четко различимы: бежевые, больше коричневые. В морской воде просматриваются хорошо.

Бывший воздушный ас ледовой разведки, Панкратов поднаторел и в рыбацком деле. Рыбацкий азарт настолько охватывал его, что он мог в сердцах выпустить в эфир обойму матерных слов, особенно когда его указания суда выполняли нерасторопно.

Радиоинспекция охотилась за ним, делались внушения, но до серьезного не доходило, все-таки — ас, которых немного.

Командир Ил-14 ставил суда на заметы по своему усмотрению, это не всегда нравилось капитанам, которые работать под чью-то диктовку не привыкли.

— Траулерам двадцать первому, тридцать четвертому, пятьдесят третьему и пятнадцатому быть «на товсь»! Семьдесят четвертому — право руля, так держать!.. Стоп машина! Пошел! Шлюпку за борт...

«Шлюпку за борт!» — звучало с неба, как заветное заклинание волшебника. И вся оснастка невода уходит под воду. Это начало кошелькования. Все надо делать быстро. А тем, кто не успел, у кого кошельковые сети оказались мимо рыбной стаи, сверху звучало совсем не восточное заклинание.

На отстраненных от заметов сейнерах и траулерах матерились на чем свет стоит: на хрена им эта авиация, когда свой эхолот жирно пишет.

* * *

— Ну что там у вас? К кому идем? — заглянул в радиорубку второй штурман Михайлов.

— Договорились с пятнадцатым. Он только что после удачного замета, — сказал Юрий Васильевич.

— СРТР «Медынь». Старый знакомый вроде...

— А ты, Тимофеич, опять на вахте?

— Да. Кто бы знал, как с этой бандурой-лихтером тяжело крутиться в районе промысла. Того и гляди, в чужих сетях окажешься. Идите в локатор, взгляните для интереса. Судов на экране, как веснушек у пацана. Ну, я пошел. Сейчас спеленгуемся с «Медынью».

— Давай, Тимофеич, — весело напутствовал его Володя и добавил: — Прогресс у человека: обычно вместо веснушек про бородавки на жопе говорил.

— Это тот штурман, который на печально знаменитом «зэковозе» «Джурма» ходил? — спросил Юрий Васильевич. — Который лоции знает наизусть?

— Он самый... При выгрузке зэков на ледовый припай в Пестрой Дресве побросал тонущим спасательные круги с борта «Джурмы», за что и отсидел три года. С тех пор колымская братва его уважает. Месяц не пьет — так цены ему нет.

Через два часа суда встретились.

Пока швартовались, развели стрелы «бабочкой», приспособили «телеграф», прошло еще часа полтора. «Онекотан» дрейфовал неподалеку.

— Давай начинать, — торопили с лихтера. — День короткий.

Небо заволочло. Самолет скрылся за тучей и уже не возвращался.

Юрий Васильевич, сказав наскоро: «Всем спасибо и до свидания», пожал руку Володе и боцману Петру, благополучно перебрался на лихтер.

* * *

Шкипер Володя Пытель с хитроватым лицом, похожий на крестьянского балагура, чуть полнеющий и лысеющий, присел на приваренный стул с вращающейся круглой «спидрачницей» и начал рассказывать рыбацкий анекдот про то, как на сейнере после многодневных «пустырей» поймали «золотую рыбку». Собирались пустить ее на закуску, но пить было нечего, а рыбка взмолилась: «Хлопцы, не губите, выполню любые три желания».

Долго не думали. «Сделай так, чтобы море стало водкой», — сказали.

Зачерпнули за бортом — действительно... водка. Пили-пили, про заметы забыли. Через три дня кое-как протрезвели. А золотая рыбка их торопит со вторым желанием...

В это время к собравшимся подошел Акимов, и рассказ длинного анекдота пришлось прекратить.

— Главный комсомолец на борту, значит, все будет в порядке. Так, хлопцы? — весело прошепелявил шкипер.

Вскоре первый коплер раскрылся над приемным бункером, трепещущая рыба потекла по желобам в трюмные брезентовые чаны, навешенные на прочные каркасы.

Вода из водоотделителя хлынула на палубу, смывая нападавший снег.

Пока двое управлялись с посолом у одного чана, стараясь равномерно разбрасывать соль, двое других устанавливали желоба к такому же чану в параллельном ряду.

Пятый следил за коплером, направляя его и раскрывая точно над бункером. Когда мог, помогал товарищам в трюме.

Коплер, как большое баскетбольное кольцо, со стянутой внизу сеткой, погружался в садок кошелькового невода и тут же появлялся распухшим от рыбы и истекающим лучезарной водой. Застрявшие в ячее рыбины безнадежно выгибали хвосты.

Шкипер Пытель считал коплеры, орал на ребят и не чурался выполнять любую работу.

— Сколько у тебя в коплере? — кричал он тралмайстеру «Медыни».

— Четыре центнера.

— По-моему, меньше...

— Это по-твоему.

— Спорить не будем. Следующий коплер давай на палубу. Завесим в чистом виде. Перебирайся к нам.

— Я тебе и так точно скажу.

— Так не надо... Понял? У меня у самого все чаны перемерены, — врал Пытель.

— Тогда в чем дело?

— А чтобы претензий не было, когда квитанцию буду выписывать. Сыпь на палубу, — приказал Пытель и хитро подмигнул матросу Вадиму. — Перекажи бочки поближе. Сейчас мы их завесим вначале пустыми, потом полными, разницу запишем. Понял?

— Как в амбаре, — ответил Вадим.

— В амбаре весы по полу не гуляют...

— Смотри, еще трепыхается, б...дь.

— А ты до сих пор не выучил породы рыб: не б...дь, а сельдь. А еще комсомолец, — урезонивал Пытель. — Где этот тралмайстер? Щас я его обкукарекую. Посмотришь!

— А с золотой рыбкой что? — громко спросил Вадим, воспользовавшись минуткой простоя.

— Дальше было так. Подошли забункероваться питьевой водой и сообразили, что она опресняет море, то есть разбавляет водку. Это не дело... Вот и попросили у золотой рыбки, чтобы речки, которые впадают в море, тоже стали водкой. Так и случилось. Опять гульба пошла. Ладно, потом... Тралмайстер лезет к нам через фальшборт, — оборвал сам себя Пытель.

* * *

Выписывание квитанций на принятую рыбу — это звездный час Володи Казимировича Пытеля, полное раскрытие его польско-одесского таланта, долгожданная прелюдия перед заслуженной запойной неделей.

Молодой тралмайстер «Медыни» с трудом успевал следить за манипуляциями и научными рассуждениями Пытеля. Поколдовав с гирьками, раскачивающимися на платформочке стержня весов, то есть снимая и добавляя их, он глубокомысленно вслух применял уменьшающие коэффициенты чистого веса на рыбью слизь, падающий снег, половозрелость, район вылова и еще что-то. Вспомнив также, что команда лихтера вкалывает без обеда и ужина, в отличие от «Медыни» и «Онекотана», Пытель в конце

кондов приступил к составлению и вручению, как верительной грамоты, квитанции на бланке строгой отчетности.

Юрий Васильевич только посмеивался над этой операцией, не вмешиваясь.

Обмануть Пытеля на сдаче рыбы никому не удавалось. А излишки рыбы сверх указанного количества в квитанциях у него были регулярно. А как же без этого?! Прийти на берег с недостачей — это все равно, что удавку на себя нацепить.

«Если б Матка Боска хоть раз увидела эту работенку на судне ночью, под прожекторами, в штормовом море, она бы навсегда отменила ее как адскую и дьявольскую, — не раз шепеляво сокрушался безбожник Пытель. — Но Матка, наверное, как и профсоюзы, ночью отдыхает, зато черт веселится и придумывает всякую трудовую чертовщину».

Команды «Медыни» и лихтера № 5 изрядно вымокли, выдохлись и вымотались.

Работа продолжалась уже двенадцать часов. У Юрия Васильевича болели и подкашивались ноги, он старался реже подниматься на палубу, оставаясь в трюме.

Снежные заряды вылепливали из брашпиля причудливую в свете прожекторов Бабу-ягу. Волнение усиливалось. «Телеграф» из стрел, канатов и блоков работал с трудом, коплер с рыбой мотало над палубой, и надо было приложить много усилий, чтобы не промахнуться с его раскрытием.

МБ «Онекотан» сделал последнее предупреждение: «Работы закончить. Задраиваться по-штормовому... Снимаемся!»

Включив сирену и вздымая форштевнем вертикальные стены брызг, он стал осторожно подходить к лихтеру № 5. Луч прожектора выхватывал фрагменты оснастки лихтера и СРТР «Медынь» и тонул в черной глубине.

— Почти успели, — сказал Пытель. — Иди, Васька, на камбуз, погрей чего-нибудь пожевать.

Убедившись, что на судне закончены такелажные работы, задраены трюма, оформлены квитанции на сдачу рыбы, капитан «Медыни» Иван Кононов поблагодарил за совместную работу команды лихтера № 5 и МБ «Онекотан».

Суда расходились, прощаясь огнями и гудками.

— Казимирыч! Чем там закончилось все с золотой рыбкой? — спросил Пытеля матрос, когда все разместились на камбузе за скромным ужином.

Уставший шкипер давно уже потерял интерес к тому анекдоту; махнув рукой, безучастно ответил:

— А-а, позвали ее на бак и говорят: «Тащи пару бутылок и пошла отседова к е... А план чтобы был у нас. И не попадайся больше...» Вот и все.

И неожиданно камбуз огласился истеричным, видимо от усталости, хохотом.

6

Евдокия Васильевна Акимова всю эту неделю буквально валялась с ног. Сутки делились на неравные части: восемь часов — личное время вместе со сном, остальные — на работе.

Старший мастер во время путины — должность ключевая. Так сказал ей на днях директор Центрального рыбозавода Иван Чифонов, видимо желая поддержать ее шуткой и имея в виду связки ключей в карманах ее халата. Шутки шутками, а должность на самом деле далеко не женская, к тому же материально ответственная.

На сегодня директор Чифонов отпустил Евдокию отдохнуть и отоспаться. И надо же... Вскочила с постели как ненормальная, еще шести утра не было. Протопила печь, привела себя в порядок. Скромно позавтракала.

А мысли все время блуждали вокруг мужа. Где-то там, в море, сейчас ее Юрий. Самое дорогое в ее жизни. Сказал, если погода позволит, вернуться с рыбой через неделю. А неделя уже на исходе. Как-то беспокойно на душе и ничего не хочется делать.

Решение сходить к Ольге Семеновой пришло само собой. Собрала гостинцы для детей. Приоделась и закрыла входную дверь «на палочку».

— Господи, Дуся! Кали ласка! Ты не представляешь, как я тебе рада, — засуетилась Ольга. — Мы ж с Семеном только сенья говорили, чтобы пригласить вас в гости. А я ж не знала, что Юрий в море. Проходи, садись на диван. Сейчас на стол соберу... Ты не заболела? Днем и дома?

— Не заболела. Отпустил Чифонов отоспаться. Да что-то не спится. Ничего собирать не надо. Вот ребятам гостинцы к чаю.

— Не можешь без гостинцев. Не помню такого случая.

— А какое у нас с тобой детство было... Помнишь, как радовались любой заму-соленной конфетке?

— И фантики облизывали. А платок, Дуся, у тебя какой красивый. Я его и не видела.

— Ну уж и не видела! Павловопосадский. Юра подарил.

Евдокия приосанилась перед зеркалами трюмо и повернулась к Ольге, рассыпав по платку роскошные (но, увы!) седые волосы.

— Красивая, красивая, тут уж ничего не скажешь. Знаешь, я бы на месте этих начальников тебя не в цехах сутками держала, а в президиумах: пусть мужики из зала любят, — сказала Ольга.

— А я и сижу, Оль, в президиуме. А муж — напротив. Ты же знаешь: детей у нас не получилось. Кроме Юры, никого у меня нет, — как-то растерянно и обезоруживающе сказала Евдокия.

— Ты чего, Дуся? Садись к столу.

— Не обращай внимания.

— А почему ты этот платок редко надеваешь? Он очень тебе идет...

— Берегу, как память...

— Надо все носить, что есть. И каждый день надевать самое лучшее. А то бережем неизвестно зачем. Танька на мои старые вещи и смотреть не хочет, а про то, чтобы перелицаваць, и слушать не желает. Так что, Дуся... Молодежь она всегда молодежь.

Ольга говорила и ставила на стол лучшее, что было в доме. Поставила и японские тарелки, доставшиеся Семену по рыбацкому фонду, мельхиоровые вилки — довоенный подарок матери.

А Евдокия в это время думала о своем платке, как о чем-то связующем с давними событиями, будто с узелками памяти.

— Красного вина нет, — словно извинялась Ольга, — только беленькая. По чуть-чуть за встречу... Ну, давай, подруга.

С чувством соединили рюмки.

— Я не поняла, может?.. Ты какая-то не такая, — через некоторое время сказала Ольга.

— Успокойся, все нормально. Что-то нахлынуло, сама не знаю, — сбивчиво сказала Евдокия.

— Скажи, может, полегчает...

— Ты про платок спросила... Юра подарил мне его очень давно, когда мы...

Ольга звякнула вилкой, кладя ее на тарелку, приготовилась услышать важное, и с тревогой смотрела на подругу.

— Вот я и берегу его, как память. А как только накину на плечи, сразу слезы катятся ручьем и становится тяжело-тяжко...

— Почему, Дусенька?

— Мы с тобой, Оля, родом из Полесья, ты из белорусского, а я — из украинского. Река Припять нас разделяла. Вот видишь, слезы хлынули...

— Дусенька, успокойся. Припять нас не разделяла, она роднит нас, как сестер, и я это всегда чувствую.

— И я к тебе так же отношусь, Оля. Вернее, мы с Юрой к вам. Вроде бы и жизнь наша здешняя, колымская, заполнена делами, и на виду она вся, но иногда, — Евдокия скрестила сжатые кулаки на груди, — иногда становится так плохо, невыносимо... И знаешь, я поняла: это война еще не перегорела во мне. Она же всех коснулась, не только меня. Да разве будешь выпивать свое в общем горе. Вот и стараемся не вспоминать...

— Да, Дуся. Я как-то тебе рассказывала пра жыцце наше с Семеном в Речицком партизанском лагере. Пароль у нас был одно время — «Кривая бязоза». Как слова эти вспоминаю, тоже слезы сразу...

— Сил у меня не было о своем рассказать, — глубоко вздохнула Евдокия.

— Не держи в себе, Дуся...

— Постараюсь... В общем, так... В сорок четвертом оказалась я не в партизанском, а другом лагере — у фашистов, в Озаричах. Это в Полесской области. И первое, что там за колючей проволокой увидела — мальчонку в платке цветастом крест-накрест перевязанном. Лет пять ему было, не больше. Он хотел попить из проталинки, ладошкой зачерпнул водицу, а по нему автоматная очередь. Подбежала его сестренка в таком же платке, и ее полоснули с вышки. Упала на него, и так и остались лежать друг на друге... крестиком. Не-е могу... Никогда не забуду. Не обращай внимания, я сейчас...

— Может, капель накапать, Дусь?

— Не надо.

Евдокия расстегнула пуговички на рукавах кофты и оголила обе руки, на них от локтя и до ладоней — белые стянутые следы, как морозные узоры.

— Видишь?

— Видела, но не спрашивала.

— Это я окунула их в бельеварку с кипятком, как под циркулярную пилу сунула, а потом еще натерла табаком и рухнула на пол без чувств.

— Боже, какой ужас!

— Чтобы в Германию не угнали. Меня и не угнали...

— И у нас тогда облавы начались. Я связной была, — вторила Ольга. — Меня в деревни, занятые немцами, больше из отряда не отпускали. Боялись, что схватят. Особенно перед самым освобождением, весной сорок четвертого. Извини, что перебила тебя, Дуся.

— И я об этом времени. Руки мои были страшные, боли тоже, ничего делать не могла, думали, гангрена будет. А старший полицай из наших заметил меня и сказал, если я с ним не буду, ну, понимаешь, то меня ничего не спасет, совсем скоро отправят в Германию. Короче, пришлось мне покинуть деревню. Много я их прошла, пока не оказалась у вас, в Беларуси, в Жлобинской больнице с сыпным тифом.

— Господи!..

— Там все были с тифом. Человек двести-триста, а может и больше. Лежали где попало. Я на полу в коридоре, на тюфяке. Лечение почти не было, еды тоже. И вот двенадцатого марта сорок четвертого, никогда эту дату не забуду, немцы подогнали машины к больнице и вывезли нас к железнодорожной станции Жлобин — Южная. А там, возле школы, огромная толпа людей, в основном дети и старики. И нас в эту толпу загнали. А мы ведь заразные, тифозные.

Подогнали составы и грузили в вагоны, в которых перевозили в Германию скот. Это мы поняли сразу. Я была совсем плоха, но отчетливо помню лай собак, детский плач, крики женщин и автоматные очереди. В вагоне — человек сто, холодно, дует со всех щелей. Что у людей было теплее, получше из одежды — немцы еще раньше отобрали. Сама видела, как они с женщин и мужчин платки, обувь, пальто стягивали. А мы обматывались тряпьем, так и ехали: ни воды, ни хлеба, ни теплой одежды.

Куда нас везли, мы не знали. Но все предчувствовали плохое. Разгрузили под вечер. Почти в каждом вагоне оставались трупы детей и стариков.

Если бы я этого не видела сама... Люди молились: Боженька, где ты?! Помоги и спаси!

Потом нас погнали в лагерь по грязи со снегом. Кто не мог идти, того расстреливали...

Мы, тифозные, перемешались с другими людьми, но в те минуты об этом не думали. Думали, поскорее бы добраться до лагеря, да хоть как-то согреться, силы у большинства были на исходе. Мы еще не знали, что это будет за лагерь.

Когда обессиленные люди садились под деревом передохнуть, на них награвливали собак. Зрелище не передать... Клыкастые черные пасти с белой слюной, вот-вот

начнут рвать тебя на части... Ужас парализует... Сколько детей загрызли собаки... Может, не надо рассказывать, Оля?

— Рассказывай, Дуся, рассказывай. Я понимаю, как тебе тяжело...

— А лагерь? Никаких построек, вообще ничего, даже шалашей. Участок в болотистом лесу. Наверное, с километр, может чуть меньше или больше в длину и метров триста-четырееста в ширину, огорожен колючей проволокой. Лес редкий, хорошо просматривается. Все подступы к лагерю заминированы. Это мы поняли сразу: два старика вышли за хворостом для костра и взорвались...

В этой загородке — тысячи людей. Все полуодеты. А погода? Днем чуток пригреет, ночью — морозы градусов десять. Март все-таки... Согревались как могли, в основном жались друг к другу. В середине теплее.

Воду не привозили, мы пили из луж и проталин. А рядом лежали трупы, и их не убирали. По нужде ходили, кто где сможет... Многие страдали дизентерией. Старались, конечно, спрятаться за какой-нибудь бугорок, а потом уже перестали стесняться... Особенно много умерло в первые три дня, самые слабые...

Одна тетушка, помню, говорила: «Это, девоньки, еще ничего. Я вот чудом сбегла из концлагеря в Тростинце под Минском. Думала, на свободу, а угодила сюда. Так там, девоньки, большой костер каждый день палили. Это така яма, размером как четырехстенный сруб будет... Туды сначала дровы цельные накатом ложат, потом впоперек трупы накладывают, а может и не трупы еще... Потом снова дровы и снова трупы... И так доверху. А потом запаливают. Каждый день палили. Пахнет плохо, зато тепло кругом... Люди бульбины мерзлые найдут и в попел горячий ховают. А фрицы и попел собирали, куда-то увозили. Может, и в Германию. Удобрение все ж...»

Ольга кусала губы, но слез не вытирала, а Евдокия говорила короткими, как удары, предложениями.

— Кормили так: кидали в толпу через колючую проволоку куски чего-то похожего на хлеб, с вязкой, невкусной мякотью, полусгнившую картошку. Люди давили и топтали друг друга. Старики и дети... А они на вышке гоготали...

Один раз вместе с буханкой в толпу полетела граната... Взрыв разорвал тела на части. Трупы так и остались лежать на месте взрыва, а раненых — добили...

Освободили нас бойцы Красной армии через пять ужасных дней.

Я почему-то запомнила молодого командира, а он, конечно, меня не заметил. Нас тысячи... Тогда я и узнала, что в округе были еще такие лагеря, только хуже, на болоте, и тоже за колючей проволокой. Там тоже были тысячи людей...

И про страшный замысел немцев: сначала выявить тифозных, как меня например, а потом соединить со здоровыми в концлагерях, как Озаричи возле деревни Дерть. То есть создать небывалую по масштабу эпидемию и распространить ее на бойцов действующей Красной армии.

Такого в истории войн, как говорил мне потом мой Акимов, еще не было.

— Дусенька, я знаю про эти лагеря, — всхлипывая, сказала Ольга. — Нашу деревню тогда разделили надвое: в одну часть уплотнили своих жителей, а в другой все избы заселили тифозниками из лагерей... Господи, мы могли с тобой встретиться еще тогда... Я даже знаю, Дусь, что освобождали вас части 65-й армии генерала Батова.

— Нашим пришлось трудно. Эпидемия косила людей, как из пулеметов. А нас — тьма... Кормить надо и лечить, оградить от контактов с населением и солдатами. Ты сама сказала, как было у вас в деревне... А до конца войны еще далеко... Воевать надо, а не с нами — тифозными — тетешкаться. Преклоняюсь перед ними, перед нашими солдатами, — сказав эти слова, Евдокия разрыдалась.

— Успокойся, подруга, давай еще по маленькой за память о них, — сказала Ольга, находясь в глубоком трансе от рассказа Евдокии.

— Давай, за память... Знаешь, я убедилась по прошествии многих лет: люди мало знают об этих лагерях, типа Озаричи. Ведь у всех на слуху защитники Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, Москвы и еще тысяч городов; концлагеря в Освенциме,

Майданеке, Бухенвальде, Трестинке, Тростинце и так далее... Это и понятно. А эти лагеря в лесу и на болоте просуществовали от силы неделю-две до освобождения. А сколько сгинуло там — немерено. От сыпного тифа, дистрофии, дизентерии, обморожения... И все на глазах...

— За несколько часов до того, как пришли наши, — продолжила Евдокия, — немецкая охрана побросала все и спешно бежала. Люди начали метаться и искать выход: кидались на проволоку, за проволоку и подрывались на минах. Когда наши разминировали проходы, люди бросились к выходу. Многие самостоятельно идти не могли. Солдатики их перетаскивали на носилках, плащ-палатках и самодельных приспособлениях.

Потом нас стали расселять по деревням. Это ты знаешь... Уплотняли по хатам, как только можно. Все равно жилых мест не хватало... Люди устраивались на улице у костров, в сараях, разрушенных домах и подвалах.

Таких населенных пунктов, где размещались спасенные из полесских лагерей, говорили, было много... Больше тридцати деревень. Они назывались большой карантинной зоной, где проводились жесткие меры против эпидемий. Армейские спецформирования, которые занимались только этим, освобождались от участия в боях.

Мы проходили через передвижные бани, нашу одежду сжигали, волосы состригали «под ноль». Выдавали солдатское белье, а тяжелобольных на санитарном транспорте отправляли в госпитали.

Я попала в Речицкий. Госпиталь был разделен, как и твоя деревня, надвое: одна половина занята ранеными бойцами, а вторая — изолированная, в ней находились больные, ослабленные настолько, что самостоятельно передвигаться не могли.

В госпиталь с передовой постоянно привозили тяжело раненых. Вот тогда и привезли моего Акимова с ранениями в ноги и грудь. Я уже шла на поправку. Худая и безволосая. Мне сразу показалось, что это тот самый командир, которого я заприметила при освобождении. А он до сих пор говорит, что это был не он, хотя все сходится... тютелька в тютельку.

Короче, я выписалась и стала приходить к нему, ухаживала за ним. Сначала он стеснялся, а когда снова учился ходить, опирался все-таки на меня.

Тогда-то война для него и закончилась. Комиссовали его... С тех пор мы вместе. Вот такая, Ольга, история.

— Мы же с Семеном тоже вместе с тех самых пор... Он стрелком-радистом летал. Как-то смотрим с партизанами: висит в лесу на березе человек без движения, а на другом дереве заматаны парашютные стропы. Прямо как тетерев какой или глухарь подбитый. Это и был Семен... Его тоже пришлось выхаживать, — прервала затянувшееся молчание Ольга.

— А детей у нас не вышло. Родственники мои погибли в войну. Юрий Васильевич один у меня на всем белом свете. Так не хотела отпускать его в море... Настоял. С ним бесполезно говорить, упертый. Тревожно мне, Оля. Вот я и приперлась к тебе...

Женщины непроизвольно прижались друг к другу мокрыми от слез щеками.

— Дочь у него есть, Оля. Старше твоих детей. Я это знала давно. Только не знала, как вести себя. А сейчас он стал частенько говорить: может, надо было бы с ней встретиться, годы, мол, идут...

— А ты?

— А я говорю, если хочешь вернуться в ту семью, что ж, дело твое. Выбирай сам. Мешать не буду.

— Да ты что?! А он?

— Он говорит, что никуда от меня не уйдет, и никогда. Мы живем с ним с сорок четвертого. Это сколько будет?

— Шестнадцать...

— А его дочери девятнадцать.

— Ну и что?

— А то, что я хорохорюсь, а сама боюсь потерять его. Может, надо, чтобы они встретились? Как ты думаешь?

— Может, и надо, Дуся. Запреты только все осложняют.

— Он почему-то верит, что мы подружимся.

— Тем более бояться нечего. Дуся, улыбнись. Все нормально. Накинь свой красивый платок...

Евдокия глубоко вдохнула, выдохнула, утерла слезы и сказала:

— Ну все, поплакали и будет. Теперь понимаешь, почему я платки такие не ношу. Детишек в платках вижу, крест-накрест.

— Понимаю. Только с этого дня надевай, и мужу понравится. Его же подарок.

— Наверное, ты права. А он мне идет?

— Да ты что, Дуська! Конечно, идет. Красавица писаная.

— Какая красавица? Седая вся, мне скоро сорок.

— А в сорок пять... Сама знаешь.

— Оля, а у меня еще одна ненормальность есть, кроме платков...

— Какая?

— Когда я вижу лес, даже в киножурналах «Новости дня», или репродукции того же Шишкина, или других художников, — в них перемещается все, что я видела в Озаричах. И так каждый раз, как наваждение. Болезнь, наверное?

— Нет, это не болезнь. Настродалась ты, вот и все... И мой Сеня снит часто погибших сябров и кричит ночью.

— Господи, сколько лет прошло, а ничего не забывается.

За разговорами женщины не заметили, как стемнело. С радиостанции возвратился Семен Александрович, на крыльце обмел веником обувь, вошел в дом и ласково поздоровался с Евдокией.

— А мы тут наплакались по-бабьи, — объяснилась Ольга.

— Поплакали-поплакали, а бутылку приговорили, как партизаны полиция, — уразумел Семен.

— Тебе оставили, не переживай. А почему ты Дусе комплимент не скажешь? Видишь, какая она красивая. Ты согласен?

— С чем?

— С тем, что наша Дуся красивая.

— Согласен... И не только я. Ты, между прочим, тоже не уродица.

— Спасибо и за это, муженек.

— А твой Акимов, Дуся, чувствует себя нормально... Принимают на лихтер рыбу. Погода в море пока позволяет, — сказал Семен.

— Ты разговаривал с ним? — быстро спросила Евдокия.

— Нет, с ним не получилось. С Володей говорил, радистом «Онекотана». Он мне всю информацию выдает, знает, что Юрка Акимов — мой друг.

— Когда они домой?

— Как только рыбой полностью зальются.

— Быстрее бы уже. Что-то в этот раз мне совсем невмоготу без него. Собираться буду...

— Куда ты? Оставайся. Скоро дети придут из школы. Они скучают по тебе, Дуся, — сказал Семен.

— Спасибо за хлеб-соль. Наревелись как дуры, — сказала Евдокия и улыбнулась той улыбкой, которая бывает у человека, освободившегося от тяжелого груза в душе. — Пойду я.

— Хорошо, что ты платок надела. Оказывается, метет на улице, — сказала на крыльце Ольга, провожая подругу. — Не успеешь оглянуться — и вяликая зима придет.

— И жизнь пройдет...

Мела поземка. А молодая грудь Луны кормила Землю молочным светом.

И Евдокия опять ощутила знакомую боль от несостоявшегося материнства.

Капитан Логинов, придерживаясь за стенки и поручни узкого коридора, попал наконец в двустворчатую дверь ходовой рубки.

В рубке — приглушенный свет от лампы над штурманским столиком с разложенной картой, линейкой, томом лоции и радиограммой с очередным штормовым предупреждением.

Широко расставив ноги, второй штурман устался на карту и что-то бубнил. Старпом Павел Глушук прильнул к окуляру локатора, вцепившись в него руками, как Анка в пулемет. Матрос на руле был в крайнем напряжении: удерживать курс становилось труднее, а команды следовали чаще. За грузеным лихтером наблюдать надо было постоянно.

Капитан двинулся к освещенному столику, сильно покачнувшись, совсем не в такт судовой качке.

— Когда снялись? — спросил он, тщательно выговаривая слова.

— В четыре двадцать, — ответил штурман Михайлов.

— А сейчас? — капитану не хотелось смотреть на хронометр за спиной, сообразил, что этот маневр выдаст его, он может не удержать равновесия.

— Семь часов десять минут.

— Почему меня не разбудили?

— Будили.

— Надо было сильнее, постучать...

— Стучали.

— Где мы находимся?

Тимофеич указал пальцем место на карте.

— Какой ветер?

— Норд-ост. Волнение за восемь баллов. Дали усиление.

— Сам вижу...

Стрелка кренометра бегала туда-сюда как маятник. На судне что-то падало, катилось, громыхало, скрипело.

— Уйти за этот мыс, там оставаться, — палец капитана ткнулся и проехал по карте.

Огни лихтера № 5 то появлялись, то исчезали. На «Онекотане» ощущались рывки. Иногда казалось, что буксир кто-то тянет назад.

— Не слышу подтверждения, — проговорил капитан.

— По-моему, за этим мысом оставаться нельзя, — сказал штурман Михайлов.

— Почему это? — рявкнул капитан.

— Карты с запрещениями якорных стоянок и ограничениями районов плавания в сейфе капитанской каюты, — сказал второй штурман. — То есть — у вас. А я по памяти знаю...

Капитан ухмыльнулся. Этот довод был удобен и весьма кстати, чтобы вернуться в свою каюту и проверить содержимое сейфа: там еще что-то осталось...

— Значит, так, огибаем мыс Сиглан и встаем здесь на якорную стоянку, — повторил Логинов. — Как меня поняли?

— Ясно, понял, — ответил старпом.

Штурман Михайлов промолчал.

— Я пошел в сейф... В случае чего — я у себя. Стучите и вызывайте по внутренней связи. И лихтер не потеряйте...

— Типун тебе на язык, — сказал старпом, когда капитан, шатаясь, покинул ходовую рубку. — Не потеряйте лихтер, — передразнил он его. — Еще и накаркает.

— Да-а, кажется, ситуация назревает не из простых, — сказал старпому штурман Михайлов.

— Что ты имеешь в виду, Тимофеич?

— Пока не знаю... Предчувствие.

— Тимофеич, давай не будем торопить события. Может, все обойдется? Да и капитан очухается...

— Лихтер, я — «Онекотан». Как обстановка? — звал Володя.

— «Онекотан», я — Пытель. Слышу тебя, тезка. Ни лежать, ни стоять... Такая обстановка. Держись за рулевое колесо, а так бы давно завалился или улетел из рубки. Хлещет здорово... Можно еще убавить ход? — шепелявил Пытель.

— Постараюсь узнать. Будь на связи.

На «Онекотане» слышали эти переговоры, и как только Володя Волков появился в штурманской рубке, старпом Глушук сказал:

— Куда уж сбавлять? Идем еле-еле на малом, молимся, чтобы все нормально было. Капитан дал указание: лихтер не потерять. Заботливый... Так и передай шкиперу.

— В его каюте музыка орет, — произнес боцман Петро.

— В чьей каюте? — не сразу понял второй штурман.

— В капитанской...

— Люди по-разному шторм переносят, — заметил старпом.

— Ну да, погибать так с музыкой. Может, он так и решил. Мало ли какие сдвиги в голове бывают, — добавил штурман Михайлов. — Что-то меня самого сильно мутит. Так погано давно не было.

* * *

По часам должно светать. Однако в кубрике светлее не становилось, потому что иллюминаторы то и дело оказывались под водой.

Юрий Васильевич глаз не сомкнул. Старался больше думать о вчерашнем разговоре с Семеном. С койки скидывало, и ему стоило больших усилий противостоять этому... Временами закусывал губы от боли в ногах и пояснице. Не сомневался, что для него наступил предел дальнейших испытаний морем. К этому добавлялся страх, иногда даже казалось, что на фронте он был меньше. Еще одна такая волна — и, не дай бог, разлетятся конструкции деревянных каркасов в трюмах, тогда рыба выльется из брезентовых чанов и остойчивость лихтера мгновенно станет критической. А это — оверкиль с безрадостными последствиями.

Акимов отгонял мрачные мысли, словно хватался за спасательный круг, пытаясь погрузиться в приятные воспоминания. Но это мало удавалось. Воспоминания, вернее, картинки из прожитой жизни, кружились в мозгу, как в калейдоскопе, ни на чем не останавливаясь. Он все время куда-то проваливался. Это ему было знакомо. Как после взрывной волны: засыпан землей и не чувствует ног.

И еще одно важное обстоятельство выявил «калейдоскоп». Почти в каждой стремительно исчезающей картинке памяти он видел жену Евдокию, но не теперешнюю, а очень давнишнюю.

«Бабы только с виду дуры, а на самом деле у них есть безошибочное чутье, у мужиков такого нет. Она же не пускала меня в этот рейс. До скандала дошло. И в который раз права...» — думал он, пытаясь сосредоточиться на этой мысли.

Лихтер уже дважды положило так, что всем показалось: ему больше не выправиться и он зароется в глубине.

Реальность приобретала чудные очертания. Акимову стало мерещиться, что Евдокия, окрепшая и красивая, со стриженной, как у бойца, головой, воркует сейчас над ним. Скоро уйдет, но придет снова. Будет помогать ему делать первые шаги по палате военного госпиталя...

«Я не должен причинять ей боль. Никогда... Господи, когда это все кончится?!»

В такой шторм Юрий Васильевич попал впервые.

Нормально не становилось, а трудности возникали как по заказу... Когда зашли за мыс на якорную стоянку, показалось, что волнение заметно уменьшилось и ветер не

такой силы. Вроде бы нашли защиту за скалистым мысом. Однако в скором времени лихтер стало стаскивать к берегу. Отдали второй якорь. Шкипера Пытеля и моториста Николая уже дважды доставали через борт обжигающие холодные волны. Убегая, еле успели задраить дверь. Матерясь, помогали друг другу стянуть сапоги, вылить воду и отжать портянки.

— Матка Боска, что делается, что делается! — причитал Пытель.

Вскоре и на «Онекотане» убедились, что находиться в выбранном месте совсем небезопасно. Корпус морского буксира дрожал от напряжения. Удерживать лихтер от сноса становилось труднее, так как ветер бил в скулу буксира и сносил его самого.

Решили поменять место якорной стоянки. Вскоре Пытель получил указание: поднять якорь и приготовиться к переходу.

— Матка Боска, помоги! Сапоги не успел переобуть.

Левый якорь выбрали без проблем. А у правого — что-то заклинило, и он ни туда ни сюда... Сообщили на буксир. Затем повторили попытку опустить и поднять якорь, поняли, что он за что-то зацепился. Это значило, что оба судна оказались в морской ловушке. Уйти в море стало невозможным. Можно сбросить буксировочный трос и освободиться от лихтера, но тогда лихтер потащит на скалы и расколошматит, как пьяный папаша — детскую игрушку.

Нет... МБ «Онекотан» обязан быть спасателем!

А в каюте капитана гремела музыка...

8

Начальник центральной радиостанции Магаданского рыбопромышленного треста Антон Силкан был подтянут, приятен и очень серьезен. Ходил в офицерском морском кителе без знаков различия, но и без знаков неаккуратности. Гражданский костюм ему как-то и не шел.

По возрасту на фронт попал только в сорок третьем в Мурманске. Ходил радистом на судах конвоя для сопровождения транспортов с продовольствием, одеждой и военной техникой из Англии.

После войны и долгого лечения хотел поменять морскую профессию, но уговорили друзья из Тикси, и он три года проработал там на радиостанции Севморпути, оттуда и перебрался в Магадан.

У него подрастали две чудные дочушки, в которых души не чаял. Женщины из рыбтреста считали, что Антон похож на знаменитого иностранного киноактера и, по их мнению, был самым достойным из сотрудников-мужчин.

В своем деле Антон Силкан был признанный ас, его безошибочно узнавали в эфире все радисты со стажем.

* * *

Почему-то Антон Ильич не придавал должного значения послеобеденному звонку. Звонок был из Комитета госбезопасности.

— Мне нужен Силкан...

— Я вас слушаю.

— Обеспечьте круглосуточную связь с морским буксиром «Онекотан».

— Связь с судами у нас регулярная в течение суток.

— Вы меня поняли? Круглосуточную...

Трубку положили.

А ночью его подняли с постели.

— Вы, кажется, живете на Новой Веселой?

— Да, а что?

— Через час будьте на своей радиостанции, Антон Ильич.

— А кто говорит со мной?

— Дежурный из управления госбезопасности.

И только тут Антон вспомнил о звонке, которому не придавал значения, а потому и не доложил начальству, как это положено.

Звонки последовали не только Анатолию Силкану, но и тому начальству, которому он не доложил.

Сабельный шрам на лице управляющего рыбтрестом Владимира Петровича Тильбы конвульсивно дергался. Еще бы! С таким трудом получилось заснуть... Он попытался выразить свое возмущение тому, кто был на другом конце провода. Привыкший по жизни командовать, он хотел сразу же осадить говорившего и, если надо, сказать, что свой первый орден Красного Знамени получил на фронтах Гражданской войны, однако говорить пришлось не по своему сценарию.

— Почему такой тон? Ах да, извините, не представился. Полковник Сизов, зам начальника КГБ Магаданской области.

— И вы извините, — сказал боец Гражданской войны.

— Не обессудьте. Мой тон естественен в этой обстановке.

— В какой? — позволил себе задать вопрос Тильба. Он прикрыл трубку ладонью и, отвернувшись, шепотом сказал жене Ксении: — Это из КГБ.

Та в ночной сорочке с накинутой на плечи шалью поторопилась на кухню.

— Ответ на этот вопрос мы хотели бы получить от вас, Владимир Петрович. Поэтому через час вы должны быть на своей радиостанции на Новой Веселой.

— А что, собственно, случилось? Я могу, наконец, узнать?

— Предположительно, ваше судно повредило подводный кабель.

— Какой кабель?

— Спецкабель...

— И что теперь делать?

— Я уже сказал — прибыть на радиостанцию. Не теряйте время...

— Я не предупредил шофера, так что могу и опоздать.

— Может, нам приехать за вами?

— Нет, не беспокойтесь. Можно мне пригласить с собой зама и специалистов?

— Мы уже пригласили. Вам будут звонить. Все.

Жена стояла рядом, капала на кусочек сахара лекарство.

— Возьми, Володя, под язык. Это так плохо: КГБ, ночью звонят, куда-то ехать... — запричитала она. — Господи, сколько просила: давай уедем во Владивосток, на Океанскую, внуки там, домик хороший. Все, отвоевался, отработал свое... Всех денег не заработаешь, пожили бы, как все живут. А тут — кругом Магадан...

— Хватит! Где моя одежда? Сейчас мне будут звонить.

Действительно, через минуту позвонил главный инженер Панов и сказал, что вместе с ним подъезжают к дому управляющего Кривошлык, начальник рыбного порта, и Куликов, главный капитан флота рыбтреста.

— Я пошел, Ксюша. Подожду их внизу.

— Родненький, только возвращайся, я тебя буду ждать. Прости за мою болтовню... — В еще синих глазах верной спутницы жизни стояли слезы, готовые вот-вот скользнуть по щекам.

— Не переживай, иди ложись. Скоро приеду, — седовласый пожилой человек чмокнул жену в плечо.

* * *

Вскоре черная «Волга» начальника рыбного порта помчалась по ночному Магадану в направлении Новой Веселой.

— Что произошло? — без приветствия грозно спросил управляющий, водрузившись на переднее сидение. — Кто мне объяснит? Какой кабель? Почему мне не доложили?

Он повернул голову, и главный капитан флота понял, что вопрос в первую очередь к нему.

— К сожалению, я тоже не знал, извините. Хотя дислокацию наших судов по состоянию на двадцать ноль-ноль мне доложили, — не очень уверенно сказал Куликов.

— «Онекотан» сообщал в порт, что собирается менять место укрытия от шторма. Однако на лихтере № 5 не смогли выбрать правый якорь. Пробуют еще, — доложил Иван Кривошлык.

— Я такой информации не имел, — произнес главный инженер.

— Что же получается: вы никто ничего не знаете, — вскипел Владимир Петрович. — А вот как-бэ знает...

Его полуобращенное к заднему сидению лицо выражало ярость, можно было не сомневаться: была бы Гражданская, давно бы вытащил маузер...

— Почему речь идет об «Онекотане»? — не унимался он.

— На Камчатке, скорее всего по помехам, определили повреждение кабеля. У них свои методы. А дальше: уточняли, какие суда и чьи могут располагаться в этих районах. Видимо, так и вычислили, — взялся объяснять Кривошлык.

— Умники, бл... Так это подводный кабель, проложенный на Камчатку? Я так понимаю? И мы его зацепили?

— Похоже, что так, — сказал Панов. — Кабель стратегический, правительственный. Вот и переполох такой.

— Ой, е...! Это пи...ц, — произнес Владимир Петрович. Он безучастно посмотрел на шофера, который сидел с открытым ртом, услышав тираду управляющего.

У входа на радиостанцию была выставлена охрана.

— Ничего себе, — сказал Кривошлык и первым вылез из машины.

— Предъявите документы, — строго обратился младший офицер.

— Какие документы? Это наша радиостанция, — негромко ответил начальник порта, но в карман полез.

В операционном зале радиостанции находились пять человек: капитаны первого и второго ранга, один в штатском и свои: начальник радиостанции Антон Силкан и дежурный радист Вика Волкова.

— Назовите всех, кто прибыл с вами, — обратился к Владимиру Петровичу капитан первого ранга.

Управляющему голос показался знакомым по недавнему телефонному разговору.

Капитан второго ранга уселся за стол и положил перед собой миниатюрный магнитофон.

— Поясняю: ведется протокол и запись разговоров, — сказал он. — А этой барышне здесь не место, — указал пальцем на Вику.

— Она на своей смене, — ответил Антон Силкан, не чувствуя за собой никакой вины и возмущенный его тоном и «барышней».

— Работать с судном будете вы, Силкан, — сказал старший офицер.

Все прибывшие неопределенно переглядывались: «Что дальше?»

— Я никуда не уйду, — неожиданно вспыхнула Вика. Ее рыжие волосы беспорядочно разметались, а лицо стало бледным.

— Что-о?! — офицер явно не ожидал слушания.

— Я ни-ку-да не уйду, — с расстановкой повторила Вика. — У меня есть свои начальники.

— Она имеет группу допуска, — заступился Силкан.

— Какую?

— Таковую же, как и я. И не так давно закончила стажировку на военных радиостанциях ТОФа во Владивостоке. Вот документы, — Силкан достал из сейфа и протянул офицеру документы.

— Кроме того, она жена начальника радиостанции морского буксира «Онекотан», который сейчас, возможно... — Кривошлык замолчал, не договорив.

Военный совет был быстрым: офицеры просто переглянулись.

— Это меняет дело. Фамилия?

— Силкан.

— Да не ваша.

— Извините. Волкова Виктория Николаевна.

— Пусть остается. Предупреждаю вас, что с этого момента каждое слово в эфире и в этом помещении будет зафиксировано, вы все, подчеркиваю — все, несете ответственность, предусмотренную законом Союза Советских Социалистических Республик в части разглашения государственной тайны. Прошу поочередно поставить подписи вот здесь...

— Мы ничего не разглашаем, — произнес главный капитан флота.

— Зато способствуете разглашению...

— Каким образом? — решился спросил Кривошлык.

— А вы не понимаете? Вам, — офицер посмотрел на Кривошлыка и Куликова, — регулярно, лично, нарочным вручается пакет с извещениями о режимах плавания в нашей акватории, различных запрещениях, в том числе и якорных стоянок, а также о внесении изменений. Это ваша подпись? — офицер раскрыл перед Куликовым журнал.

— Моя, — тихо произнес Леонид Иванович, решив в дальнейшие разговоры вступать как можно меньше.

— По сообщению камчатской службы, не осталось сомнения в том, что воздействие на кабель стратегического назначения произошло в районе мыса Сиглан. А там, как выяснилось, находится МБ «Онекотан» с лихтером № 5 на буксире, который не может выбрать правый якорь. Вот вам и «разглашение».

При этих словах Леонид Куликов посчитал свою участь решенной. Он сидел в неудобной позе, тупо уставившись на панель радиопередатчика.

Владимир Петрович хотел сказать, мол, не надо нагнетать про государственную тайну и обстановку, важно обойтись без жертв и сохранить суда и экипажи, но почему-то промолчал и не смог объяснить своего поведения самому себе, ощутив, как начинают потеть ладони.

А Петр Васильевич сказал:

— Лишь бы люди были целы, все остальное — не главное...

— Вы, кажется, до сих пор не поняли, — осадил Панова капитан первого ранга. — Главное — это сохранность и работоспособность кабеля. Любыми путями. Лю-бы-ми... А с жертвами или без — это уже на вашей совести.

Вика широко раскрытыми глазами смотрела то на офицеров в черном, то на своих, то на слоистый табачный дым над головами.

«Боже, о чем они говорят?! Оказывается, главное — это какой-то кабель, а на то, что могут погибнуть люди и мой муж, — им наплевать. Господи, как так может быть? Помогите им. Держитесь, милые, родные, держитесь, ради бога! Володенька, ты знай — я люблю тебя в тысячу раз больше, чем раньше...»

Вика собирала силы, чтобы не разреветься. На мгновение закрыла глаза. Подводный кабель представился ей черным питоном, заглывающим моряков.

Лицо начальника рыбного порта выражало: «Вляпались по самые...». Иван Романович виновато посматривал на управляющего, а тот на своего главного инженера: ну что, мол, теперь будем делать? Помощников до хрена, а толку с вас всех...

Офицеры развесили на стене морские карты Минобороны. Молодой в штатском навытяжку стоял с указкой возле них. Затем, водя ее острым концом по разным местам, четко пояснял исходные данные: кабельную трассу с координатами и глубинами,

направление господствующего ветра и, что всех поразило, места отставания судов Охотоморской экспедиции в районе мыса Сиглан, в том числе морского буксира «Онекотан» с лихтером № 5.

— Чем руководствовался капитан вашего «Онекотана» в выборе места укрытия — разберемся позже. А сейчас приказ: морскому буксиру «Онекотан» ни при каких обстоятельствах не сбрасывать с гака буксировочный трос лихтера. Повторяю: ни при каких обстоятельствах, при любом усилении ветра — стоять! Сигнал бедствия «SOS» в эфир не посылать. К «Онекотану» идет специализированное номерное судно в сопровождении военного корабля. Оба с камчатской припиской. Вам все ясно?

— Ясно, — за всех ответил управляющий Тильба.

— В таком случае необходимо дать соответствующие указания капитану «Онекотана». Садитесь за аппарат, — приказал старший офицер Силкану.

Антон несколько раз встряхнул кистью опущенной руки, как виртуоз-струнник.

В эфир полетело трехкратное междометие, как «ша» на одесском благом жаргоне. Морзянка заметно стихла, асов радисты узнают сразу.

«Онекотан» был на связи.

— Вот он! Я слышу его! — первой вскрикнула Вика.

Офицер осуждающе посмотрел на нее.

— Попросите перейти на эту частоту, — офицер продиктовал цифры. — Спросите: кто у аппарата.

— Начальник радиостанции судна Владимир Волков, — не оборачиваясь, ответил Силкан.

— Попросите его срочно пригласить к микрофону капитана.

«Не могу выйти, заклинило дверь», — последовал ответ Волкова.

«Что по обстановке?» — «Мы, похоже, в преисподней. Нас сносит...» — «Владимир, — передавал Силкан, — продублируйте внутренней связи штурманскую рубку указание представителя органов». — «Каких органов?» — «Компетентных...» — после заминки отстучал Силкан. «Что им нужно?»

Офицер в штатском многозначительно посмотрел на Силкана и положил перед ним текст на бланке.

«М/б Онекотан КМ нашим сведениям лихтер НР 5 якорем зацепил кабель крайне необходимой связи тчк Примите любые меры недопущению повреждения кабеля тчк Несете личную ответственность тчк Помощь идет спецсудно тчк Подходе установит связь»

Пятое управление

Соловьев».

«Как понял?» — уточнил у Волкова Силкан. «Да пошли они... соловьи эти. Нами может случиться все любую минуту... РДО принял...»

Из этой фразы Силкан вслух перевел только последние слова о том, что радиogramма принята.

Вика почувствовала, как куда-то проваливается сердце, а внутри все дрожит и стонет. Она кусала губы, боялась не совладать с собой, расплакаться. Тогда ее просто-напросто уберут отсюда. И еще поняла, что молодой в штатском все слышит.

Пока была некая пауза, Кривошлык обратился к старшему из офицеров:

— Можно мне переговорить с судном?

— Говорите.

— Антон, сообщи «Онекотану», что здесь все руководство рыбтреста и порта, — сказал он.

Силкан кивнул.

— Он спрашивает, где Вика. Я сказал, что она рядом. Он хочет ее услышать, — Силкан развернулся к офицерам.

— Пусть работает, — согласился старший.

«Здесь я, с тобой», — с невероятной скоростью, глотая слезы, затучала Вика своим ключом. «Ты будь на связи, Вика, не уходи». — «Не уйду. Всегда буду с тобой. Я те-бя люб-лю», — рассыпались в эфире, как звезды на небе, точки-тире.

Вика успела передать только эти фразы. Молодой офицер подошел к ней и с усилием снял ее ладонь с ключа, но при этом по-доброму посмотрел ей в глаза: «Успокойтесь. Не время».

«Он все слышит, ну и пусть слушает. Господи, помоги им!»

«Кто в штурманской рубке?» — задал новый вопрос Кривошлык. «Старпом Глушук, штурман Михайлов, матрос Клюев», — вскоре ответил Володя Волков. «Где капитан?» — «Болен. В каюте...» — «Болезнь специфическая?» — «Да». — «Подержитесь носом по волне», — не зная, что ответить, шаблонно посоветовал Кривошлык. «Так и стараемся».

Офицер, который почти все это время молчал, подошел к Силкану и полушепотом напомнил:

— Вы не забыли передать: SOS не посылать? Ни при каких обстоятельствах...

Антон понимающе посмотрел на него и провибрировал на «пиле»: «Соседи на подходе. Продержитесь».

Молодой офицер тут же подошел к Антону.

— Вы уклонились от текста, — назидательно сказал он.

«Какого текста? Что вы из меня идиота делаете! В вашей официальной РДО вы о SOS не говорили. Нашими руками, что ли, сообщать миру гнусность?» — думал Силкан, уже не глядя на своих начальников, но вслух буркнул: «Сообщу» и передал на судно слова Кривошлыка: «Мы с вами, мы верим».

«Спасибо за поддержку. Работаю аккумуляторах. Подзарядки нет», — с затуханиями растворилось в эфире.

Реакция Вики была мгновенной:

«Я дождусь тебя, ты знай... Я те-бя люб-лю...»

«И я», — последовал слабый ответ с «Онекотана».

В эфире стало тихо-тихо.

«Онекотан» — я пятьдесят первый. Иду к вам. Жду на связь каждые два часа. Следите за мной», — прозвучало сильно, будто рядом, и... отрубил.

— Это наши, — улыбаясь, сказал молодой офицер.

— Слава богу, — подтвердил капвторанг. — Каждые два часа информировать нас по этому телефону, — он передал управляющему клочок бумаги. Помолчав, добавил: — Если не умысел в действиях — будем надеяться на лучшее. Иначе кому-то крупно не повезет. Очень крупно... А теперь все прочтите протокол и с указанием занимаемых должностей — распишитесь. Протокольная запись сегодняшних переговоров под грифом «секретно» будет приложена к нашему рапорту областному управлению КГБ. Все, можете быть свободными. До свидания...

Забрав двух дюжих моряков-автоматчиков и оставив гнетущую тишину, гэбисты покинули помещение радиостанции.

— Хорошо, что нас не повязали, — первым нарушил тишину Кривошлык.

— Успеют еще. Про свидание намекнули, — подал голос главный капитан флота. — Знал бы, сам сходил капитаном в этот рейс на МБ «Онекотан».

— Прекратите, — цыкнул на него управляющий, пугая багровым шрамом на бледном лице. — Тогда и надо было себя предлагать, а не срать в штаны, как сейчас.

Вика смотрела на всех. Подобострастные симпатии, с которыми она относилась по жизни к высшим чинам, исчезали...

«Забегали. Теперь каждый будет думать о своей шкуре. Мне наплевать на них. Лишь бы Володя вернулся. И больше никакого моря... Можно и на берегу жить счастливо... Он еще не знает... У нас будет ребенок».

— Антон Ильич, разрешите, я останусь у аппарата.

— Конечно, Вика, — сказал Силкан. — Я тоже буду здесь.

Да... В такой шторм Юрий Васильевич еще не попадал. До сих пор он считал, что качку в море переносит сносно, а на этот раз — с провалами памяти, с забывьем, с грезами, видениями и приступами рвоты наизнанку.

С трудом приходил в себя Акимов. Вспомнился бывалый моряк, который, покуривая трубку, как-то говорил: «Ты не верь тем, для которых и ураган нипочем. Шторм, как водка, ухайдокает любого. Только — один в лежку, встать не может, а второй, как бы ему плохо ни было, пытается делать дело. Море и корабль — это служба».

Наверху что-то гроыхало, свистело, ударялось.

Превозмогая боль, заставил себя встать и подняться в рубку лихтера. Невольно улынулся, услышав шкиперское: «пся крев» и «Матка Боска» в более мягких выражениях, чем о «российской матери».

— Кто б знал, что штурвалом можно зуб вышибить... Черт с ним, он у меня раньше болел. Теперь не болит. Только рот опух, — плохо выговаривал шкипер, держась за огромное штурвальное колесо старинного образца. Но его слова прозвучали все же обнадеживающе. — Помирать нам рановато. Шторм стал меньше. К нам идут вояки, с якорем помогут, пся крев.

— Какие вояки? — спросил Акимов.

— Наши... На подходе... С «Онекотана» сообщили... Немного стихнет, подойдут и будут якорь отцеплять и кабель проверять.

— Какой кабель?

— Ты сам как, Василич?

— На ногах стою.

— Ну и молодец. Мы боялись, что тебе совсем плохо станет. Не беспокоили. А за это время все и узнали. Ты молодец!

— Что за кабель? — еще раз спросил Акимов.

— Секретный, Матка Боска. За него каждому лет по пять припадают.

— А мы тут при чем? Мы не самоходные. С «Онекотаном» пусть разбираются, — сказал моторист Николай.

— С ним уже разбираются... Ему приказано сниматься в Магадан в балласте, а нас передадут другому буксиру. И когда мы окажемся дома — никто не знает, — грустно прошепелявил Пытель. — А я хвалился, что у меня только одна судимость...

— Да-а. Дела-а... — протянул Акимов, с тоской подумав о Евдокии.

Этот шторм наделал много бед и на море, и на побережье. Приливы достигали девяти метров дважды в сутки и несли беду.

Прибрежные деревья держались стойко. Кроны лиственниц были иссечены ветрами и имели причудливые очертания. Кто знает, может, такие же причудливые очертания имели и людские души, иссеченные колымскими ветрами того времени.

Они всегда противостояли им — люди и деревья.

И только через несколько дней Охотское море, словно удовлетворившись жертвоприношениями, стало успокаиваться.

Отчаянные капитаны выходили на промысел при пяти-, шестибалльном волнении.

«Героические трудовые будни пахарей голубой целины» продолжались. Об этом сообщали спецкоры дальневосточных газет, расквартированные на больших судах Охотморской экспедиции.

Так оно и было...

